

Чжао Хунгуан не хотел признавать своё поражение, не из-за стыда, а из страха, что Чёрная Башня может ускорить процесс эвтаназии Хань Цзюня. До последнего момента он не хотел сдаваться.

Но, глядя на холодного и спокойного Линь Шаоаня, Чжао Хунгуан с горечью проглотил ком в горле и тяжело кивнул.

— На этот раз тебе повезло, — к удивлению Чжао Хунгуана, Линь Шаоань не стал его ругать, но задал вопрос, который причинил ему боль. — Ты действительно хочешь, чтобы Хань Цзюнь продолжал страдать перед смертью? Если ты откажешься, я немедленно остановлю реанимацию и даже ускорю его уход.

Чжао Хунгуан опустил голову, погрузившись в молчание. В это время Пухляш с трудом выбрался из ладони хозяина, встряхнул слипшиеся перья, чтобы снова стать пушистым шариком, и, медленно взлетев, сел на плечо Чжао Хунгуана, потираясь щекой о его подбородок.

— Чик-чирик... — Для обладателей способностей не существовало существа, которое могло бы понять их лучше, чем их собственное духовное тело. Боль и сомнения Чжао Хунгуана сделали Пухляша грустным, хотя больше всего его огорчало то, что его планы по строительству гнезда были разрушены ещё до начала. Каждая птица должна иметь своё гнездо, а каждый Проводник — своего Стража. Пухляш понимал только такие простые истины. За свои двадцать с небольшим лет жизни Чжао Хунгуан никогда не встречал духовного тела, которое могло бы вызвать у него резонанс. Белый тигр, когда не был в бешенстве, не казался таким уж отвратительным, а его хозяин обладал красивой шерстью, которую хотелось сохранить.

— Попробовать ещё раз? — Чжао Хунгуан почувствовал, что пытается передать ему Пухляш. В этот момент ему действительно нужна была поддержка и совет.

— Чик. — Несмотря на только что пережитый ужас, Пухляш слетел на руку Чжао Хунгуана и легонько клюнул его в ладонь. Так он выражал согласие.

Хотя Пухляш был не кем иным, как духовным телом Чжао Хунгуана, его частью, он всё же смог дать своему хозяину силы. Иногда способность человека к самовосстановлению была просто невероятной.

— Меня не отбросило, а значит, у меня ещё есть шанс, и у него тоже, — собравшись с духом, Чжао Хунгуан твёрдо заявил Линь Шаоаню, что всё ещё хочет спасти Хань Цзюня.

Линь Шаоань оглянулся на ассистентов, суевившихся вокруг Хань Цзюня. Эти медики уже привыкли к экстренным ситуациям, и с увеличением подачи кислорода и введением адреналина состояние Хань Цзюня постепенно стабилизировалось. Казалось, огонь жизни в его измученном теле всё ещё упрямо горел.

— Последний шанс. Мы не можем позволить тебе снова и снова рисковать, — Линь Шаоань не соби́рался докладывать об этом руководству Чёрной Башни, ведь там Хань Цзюня точно бы казнили. Не все были такими добрыми, как он.

Занятый лечением других Стражей с менее тяжёлыми состояниями, Линь Шаоань после стабилизации Хань Цзюня уже соби́рался уйти.

Перед тем как покинуть палату, он сказал Чжао Хунгуану суровую правду:

— Если подобное повторится, никто больше не будет предоставлять ему чрезмерную медицинскую помощь.

Чжао Хунгуан горько кивнул:

— Я понимаю.

Линь Шаоань взглянул на Хань Цзюня, раздетого и привязанного к медицинской койке, и вздохнул:

— Помой его. Возможно, это будет в последний раз. Видишь шланг на стене? Он слишком слаб, и ремни должны удерживать его. Ради твоей безопасности, не развязывай его, пока он не умрёт.

Чжао Хунгуан хотел возразить, что Хань Цзюнь не умрёт, но после недавних событий у него не было уверенности, чтобы это сказать.

После того как Линь Шаоань ушёл, Чжао Хунгуан встал в углу, достал телефон и набрал номер дома.

[Хунгуан? Ты не в отпуске в этом месяце? Я купила много твоих любимых вещей.]

Голос матери всегда приносил уют и спокойствие. Чжао Хунгуан попытался улыбнуться, чтобы в его голосе появилась радость.

— Мам, в Тауэр-зоне много работы. Я помогаю гармонизировать Стражей, так что отпуск, похоже, отменяется.

[Понятно. Ты только береги себя, не перетруждайся.]

— Да. Кстати, мам, ты можешь завтра принести мне омурайсу? В Тауэр-зоне есть специальные пункты доставки в каждой безопасной зоне. Просто покажи документы, подтверждающие нашу связь, и передай им. И побольше кетчупа.

[Ты же не любишь кетчуп? Может, ещё что-нибудь принести?]

— Нет, ничего больше. Мне пора, пока.

Чжао Хунгуан быстро повесил трубку и задумчиво посмотрел на Хань Цзюня, лежащего на койке. Его тело было покрыто потом, отчего оно блестело, а быстрые движения груди и живота, а также слабое дыхание, доносящееся из изолирующего шлема, напомнили Чжао Хунгуану о том моменте, когда его ментальные щупальца были полностью разорваны. Это была не только боль, но и глубокая печаль, которую он не мог сдержать.

Когда на экране панели показатели Хань Цзюня стабилизировались, Чжао Хунгуан снял с него изолирующий шлем.

Действие транквилизаторов ещё не прошло, и Хань Цзюнь не собирался просыпаться. Его глаза были закрыты, а брови слегка нахмурены из-за недавней боли.

Чжао Хунгуану было трудно поверить, что этот измученный и слабый мужчина был тем самым Хань Цзюнем, который в здравом уме шутил и смеялся с ним. Возможно, он просто привык прятать свою боль за небрежными шутками.

После того как смирительную рубашку сняли, запах пота от Хань Цзюня стал ещё сильнее. Чжао Хунгуан понял, что так называемое лечение в Чёрной Башне было не чем иным, как долгим заточением и пыткой. Возможно, даже настоящие заключённые в Чёрной Башне жили лучше.

Мысли о словах Линь Шаоаня заставили сердце Чжао Хунгуана сжаться. Он не хотел признавать, что тот был прав — это мог быть последний раз, когда Хань Цзюня моют перед смертью. Но, учитывая текущую ситуацию, он должен был быть готов к тому, что гармонизация может провалиться, и Хань Цзюню придётся принять эвтаназию. Смерть, как и рождение, была важнейшим моментом в жизни человека, и Чжао Хунгуан считал, что должен сохранить достоинство Хань Цзюня как человека.

Он снял со стены шланг для промывки. Процесс был прост: достаточно было нажать кнопку, и горячая вода начинала течь.

Металлическая койка не имела постельного белья, и после нажатия кнопки дренажные отверстия по бокам быстро удаляли воду, превращаясь затем в сушильные отверстия, которые испаряли лишнюю влагу с тела пациента. В комнате не было мыла, и Чжао Хунгуан мог лишь просто промыть тело Хань Цзюня. На мгновение он почувствовал себя мясником, работающим на бойне.

Возможно, из-за того, что вода случайно попала на лицо, или потому что действие транквилизаторов начало ослабевать, после того как Чжао Хунгуан тщательно промыл Хань Цзюня, тот застонал и начал приходить в себя.

— М-м... — Хань Цзюнь с трудом открыл глаза, и ощущение свежести тела немного облегчило его состояние.

Пухляш, спокойно сидевший на плече Чжао Хунгуана, заметив, что Хань Цзюнь пришёл в себя, тут же подлетел и сел на его лоб, вытянув круглую головку, чтобы рассмотреть тусклые глаза.

<http://bllate.org/book/15254/1345142>